

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Читайте романы Н. Мирониной

Куколка для Немезиды
Трудное счастье Калипсо
Дочь мадам Бовари
Отказать Пигмалиону
Третий брак бедной Лизы
Завтрак для Маленького принца
Свадебное платье мисс Холмс
Невеста Всадника без головы
Новая хозяйка собаки Баскервилей
Дети капитана Гранина
Свадьба собаки на сене
Орешек для трёх Золушек
Ошибка дамы с собачкой

Н А Т А Л И Я
М И Р О Н И Н А

Немного солнца
для Скарлетт

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
А. Марычева

Миронина, Наталия.
М64 Немного солнца для Скарлетт : роман / Наталия Миронина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Счастливый билет. Романы Н. Мирониной).

ISBN 978-5-699-95962-4

Мир кино красив и жесток, но именно там юная Скарлетт Ломанова встретила свою любовь — Дика Чемниза. Она отвоевала его у могущественной соперницы, которая спустя годы отомстила, сообщив, что муж изменяет ей с женщиной... Проклиная себя, Скарлетт опустила до слезки за Диком, но за миг до разоблачения бросила эту затею. Ее светлая солнечная жизнь покрылась мраком. Может быть, нужно было принимать предложение Стива, прославленного голливудского режиссера, и судьба выстроилась бы иначе? Тем более что Стив был всегда рядом. Но времени на размышления у Скарлетт оказалось очень мало...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95962-4

© Миронина Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Есть судьбы, по которым время
проходит не по касательной.
Есть жизни, которые вовлечены временем
в его суть. Есть люди, которым довелось
испытать все, что уготовано веком.
И все же желание счастья оказывается
сильнее обстоятельств и рока.*

Глава 1

ПАДАЮЩИЙ СВЕТ

И вдруг упал софит. Что-то хлопнуло, вспыхнуло, задымилось, потом с высокого штатива свалился, как отрубленная черная железная голова, осветительный прибор. Кто-то закричал, кто-то ойкнул, кто-то ахнул. Поверх всех этих звуков пронеслось протяжное ругательство. Режиссер вскочил со своего кресла, подбежал к осветителям и, жестикулируя, что-то с возмущением стал выговаривать. Рядом толпились ассистенты. Главная героиня подчеркнуто сохраняла спокойствие. Ей, наверное, казалось, что этим самым она подтверждает свой высокий профессиональный статус.

— Сцену успели отснять? — громко спросила она у оператора.

— Нет, придется переснимать, — развел он руками.

— Отлично, надо грим поправить, — произнесла героиня, и опять в этих словах, в самом тоне

почувствовалось превосходство звезды. Гримеры не заставили себя ждать — они стояли на страже (только алебард им не хватало) позади кресла с именем актрисы.

— Тони, глаза подправь, ну и остальное... Жарко. — Главная героиня уже сидела перед зеркалом, а Тони, маленькая девушка с куцым хвостиком, орудовала кисточками, щеточками, губками.

На съемочной площадке воцарился хаос — внезапный перерыв каждый пытался использовать в личных целях. И только он оставался там, где был. Он остался сидеть на узком плетеном стуле возле круглого стола, рядом с входом в кафе. Он остался сидеть там, где сидел, когда была прервана съемка.

Он был красив. Эту красоту передать словами было невозможно. Как описать правильные черты и при этом подчеркнуть их своеобразие? Описание получится длинным, бестолковым, непонятым. Поэтому проще сказать, что он был красив. Что его лицо напоминало рисунок тонким грифелем — высокие скулы, чуть заостренный, чуть опущенный книзу нос. Темные прямые брови над узкими, не по-восточному, глазами. Да, еще его губы были тонкими, но не придавали лицу злого выражения. Наверное, потому, что чаще всего он улыбался. Внимательный наблюдатель еще обязательно отметил бы цвет глаз — черных, таких черных, что иногда они казались синими, чернильными. Есть такой оттенок черного — не в коричневый тон, а

в темную, лиловую синеву. Его внешность была и красивой, и необычной. Он был худощав и невысок ростом. Впрочем, как часто бывает, манера себя держать, умение двигаться и одеваться порой полностью меняют физические параметры. Он был невысок, но маленьким не казался. Он был худым, но тщедушным не выглядел. Наоборот, в нем чувствовалось напряжение силы. Его облик был обликом тех героев и рыцарей, которые населяют романтические сказки и хорошенькие головки молодых девушек. Только сейчас он сидел за столиком на одной из улиц Парижа, был одет в голубые расклешенные джинсы, узкую рубашку и изображал молодого влюбленного адвоката.

— Господи, да он просто бог! — пробормотала главная героиня, бросив искоса взгляд на него.

— Да, он прелесть! — машинально ответила примерша Тони и тут же получила замечание:

— Дорогая, не отвлекайся! Еще немного румян — и мне можно будет выходить на пляс Пигаль!

— Извините, — опомнилась Тони. Она на секунду забыла, что главная героиня имеет виды на этого красавца. Вся съемочная группа заключает пари, чем же закончится эта осада. Сама Тони ставки не делала. Она не прочь была бы строить глазки этому молодому актеру, но тот был мягок и неприступен. Что было крайне удивительно для актера, впервые оказавшегося на съемочной площадке.

А съемки длились уже несколько месяцев. Художественный роман, который прошумел как шквалистый ветер года три назад, уже немного подзабыли. Непроданные книжки от огромного тиража отправили в провинциальные магазины — там, как всегда, жизнь немного отставала. Казалось, что тонкая светло-серая книжица ушла в прошлое, как вдруг откуда ни возьмись появился сценарий, потом принесли партитуру — в сюжете многое было завязано на красивой мелодии. Потом появилась актриса. Она была старше героини книги, но была еще очень красива, свежа, талантлива. Она была всем хороша, исключая характер, но кто обращает внимание на такие мелочи? И в конце концов появился он. Недавний студент, сыгравший Гамлета в одном из небольших театриков на Бродвее. Когда появился он, стало ясно, что кино состоится. Именно в нем, в его игре было то, что между строк читалось в том самом романе, в той самой тонкой светло-серой книжице. В нем были предчувствие любви, трагизм страсти и мудрая покорность судьбе. Как это в нем все совмещалось, как у него, двадцатипятилетнего, это все получалось сыграть, оставалось загадкой. Но эта таинственность только добавляла перца. Так часто личные качества влияют на профессиональные, что уже неразличимы реальный человек и образ, который он воплощает.

Его звали Ричард Чемниз. Он, как и вся съемочная группа, прилетел из Америки. Идея снимать нашумевший роман в реальных парижских декорациях принадлежала мужу главной героини. Он же был и продюсером. Впрочем, в этой щедрости загадки было меньше всего. Муж главной героини в это время вынужден был жить во Франции: «Бизнес, понимаете ли, не знает границ!» И как удобно было бы следить за собственной женой, если сниматься она будет здесь же. Съемочная группа наслаждалась этими парижскими каникулами. В конце концов, могли же изобразить все эти изумительные бульвары и набережные где-нибудь в павильонах киностудии. Нет, естественные декорации намного убедительнее. Ричард Чемниз, а это был его первый фильм, снимался с интересом и тосковал по театру. В камерности театральных кулис, на его взгляд, была особая магия. Было почти уединение, было то, что помогало сохранить себя для роли. В кино все было «на продажу» — все чувства, все эмоции, жесты и даже мысли. Нет, не ты играл роль, здесь все принимали участие в твоём образе, как и ты был частью чего-то общего, коммунального. Ричард, или, как его обычно звали, Дик, был индивидуалистом и терпеть не мог ничего общественного, но кино было отличным профессиональным опытом. Наверное, поэтому он и согласился на эту роль. «Приятная история. Хотя и банальная», — отметил он про себя, когда

прочел сценарий о любви сорокалетней дамы и двадцатилетнего молодого человека. В театре он взял отпуск и покинул Нью-Йорк, чтобы провести лето и осень на съемках в Париже.

Он приехал скромным актером, а выходил на съемочную площадку почти звездой. Во всяком случае, так к нему стали относиться с первого же дня. Он воспринимал это с досадой, тихой улыбкой, с произвольным чувством вины. «Я могу не сыграть. У меня может не получиться. Я учился играть в театре. Я ничего не знаю про кино! Вы рано меня хвалите!» — казалось, он хотел сказать каждому, кто говорил ему комплименты. Но окружающие уже попали под его обаяние, о действительной силе которого Дик сам еще не подозревал. Окружающие не только видели, как он играет, они чувствовали в нем этого самого героя, обреченного на любовь. Именно — обреченного, и, как всякий обреченный, он должен был быть несчастлив. Но в несчастье он был сильным и благородным, а это не могло не вызывать восхищения. Дик Чемниз, играющий сейчас на парижских мостовых, являл собой героя.

— Простите, пожалуйста, надо сменить рубашку. Вот, лучше это переодеть. — Рядом с ним стояла темноволосая девушка в больших темных очках.

— Зачем? Зачем сменить рубашку? — удивился он.

— Цвет, — лаконично пояснила она. — Лучше, если будет присутствовать темно-синий. На пленке он утяжелит, сделает вашу фигуру мощной... — произнесла она и тут же спохватилась: — Извините, я хотела сказать, что... ну, понимаете... Ох!

Девушка вконец растерялась, а он тихо рассмеялся.

— Не переживайте! Слава богу, вы одна не делаете из меня супермена. Это обнадеживает. Давайте вашу синюю рубашку! — Дик, улыбаясь, забрал у нее вешалку и прошел к себе.

Актрису, игравшую главную роль, ту самую со-рокалетнюю даму, в которую, по книге, был влюблен молодой человек, звали Анна Гроув. Ей было почти сорок лет. Анна уже давно была звездой. И кинонаград стояли у нее на камине плотным строем, и множество фотографий в дорогих рамках расположились в причудливом рисунке на центральной стене. И ее имя в титрах гарантировало сборы и благосклонное внимание критиков.

Анна была замужем во второй раз. От первого брака у нее сохранились воспоминания о скандальной жизни и бесконечных требованиях мужа поделиться доходами. От посягательств Анну спас деловой влиятельный человек, нанявший грамотных юристов, которые предъявили убедительные доказательства полной нищеты актрисы, что, безусловно, являлось результатом особенной ад-

вокатской казуистики. Анна успокоилась и отблагодарила влиятельного человека согласием выйти за него замуж. Впрочем, жизнь пары очень скоро приобрела тот самый удобный вид, при котором никто не мозолит друг другу глаза. Но при этом, как во всяком приличном семействе, оба ревновали, оба пытались иногда шпионить, и для обоих газетные сплетни были источником душевного волнения.

Анне казалось, что эти съемки будут развлечением. Неким летним отдыхом, который сможет принести еще немного славы и потешит самолюбие мелким романом. Но, к ее удивлению, все шло не так, как хотелось. В это парижское лето, под ослепительным светом юпитеров, Анна ощущала глухое беспокойство. Она не могла понять источник, причину его. Хуже того, она не могла с ним справиться. С ней такое уже было — что-то вдруг начинает раздражать, мешать. Анна в таких случаях пользовалась патентованным средством голливудских красавиц — она заводила роман. Еще только начиная съемки, она опытным взглядом намечала несколько кандидатов в жертвы. И в случае расстройств чувств начинала флиртовать. Редко какой мужчина оставался равнодушным к ее классическо-кинематографической внешности: высокий рост, высокая грудь, плоский живот и лицо — насколько красивое, настолько же лишенное индивидуальности. Иногда казалось, что опре-

деленная категория актрис пользуется услугами одного и того же хирурга-косметолога. Их скулы, носы, губы словно были отлиты по одной форме.

Сама Анна к этим «служебным» романам относилась как к профилактике неврозов и забывала о них еще до конца съемок. Сейчас она, обратив свои чары на Дика Чемниза, а больше, по ее мнению, и не на кого было здесь смотреть, вдруг почувствовала, что отсутствие реакции — это не что иное, как форма вежливого общения. Что этот темноволосый худощавый молодой человек представляет собой китайскую шкатулку: пытаешься открыть, открываешь, а там еще одна загадка, а потом еще одна, а дальше следующая. Анна, применив все испытанные действия, поняла, что не достигла ничего, кроме одного и совершенно нежелательного эффекта — с наступлением вечера Дик очень редко выходил из своего номера. И все расчеты провести с ним тихий, романтический парижский вечер были сведены к нулю. Еще Анна обратила внимание на его чуть отстраненный взгляд — а это никак не сочеталось с ее желанием быть центром вселенной. Анна пробовала капризничать во время съемок, но, к своему удивлению, получила жесткий отпор.

Съемки оказались сложными и по другой причине. Режиссеру Стиву Майлзу было недостаточно распространенных лицедейских приемов — улыбка-смушение, взгляд-признание, жест-отчаяние.